

Л. И. РАЗДОБУДЬКО-ЧОВИЧ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДАХ УСТОЙЧИВЫХ
СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ С СОМАТИЧЕСКИМ
КОМПОНЕНТОМ НА БЛИЗКОРОДСТВЕННЫЙ ЯЗЫК
/на материале переводов "Горного венца" на русский язык/

Цель настоящего исследования - сопоставительный анализ устойчивых словесных комплексов с соматическим компонентом /сращения, единства, сочетания, выражения, предложно-падежные конструкции, пословицы и поговорки/, выбранных из поэмы Петра Петровича Негоша "Горный венец"¹ и их соответствий из переводов этой поэмы на русский язык, с деланных Лукьяновским², М. Зенкевичем³, Ю. Кузнецовым⁴ и А. Шумиловым⁵. Была предпринята попытка выяснить, как сходства и различия языков проявляются в основных аспектах фонда и какими внутриязыковыми и экстралингвистическими факторами они обусловлены.

В данной работе исследуется соотношение культурного, коннотативного и денотативного компонентов устойчивых словесных комплексов /УСК/ языка автора с теми же компонентами в языке перевода. Особое внимание уделяется культурному компоненту, так

---

¹ *Петар II Петровић Његош*. Пустињак Цетињски. Избор из целокупног песништва. Горски вијенац. Титоград, 1992, с. 81-197.

² Горный венец. Поэма в стихах Петра Петровича Негоша. Перевод с сербского *Лукьяновского*. Москва, 1887, с. 9-128.

³ Петр Негош. Горный венец, Перевод Михаила *Зенкевича*. М., 1955.

⁴ Петр Негош. Горный венец. Самозванец Степан Малый. Перевод с сербскохорватского под редакцией Кутасовой. Горный венец - перевод *Ю. Кузнецова*. М., 1988, с. 40-152.

⁵ Петр II Петрович Негош. Горный венец. Перевод *А. Шумилова*, Подгорица, 1996. 253 с.

как он чаще всего является причиной различия УСК в разных языках /даже при полном их совпадении на лексическом и грамматическом уровне/. Сложность для анализа представляют поиск соответствий для авторских преобразований УСК /эллиптическое употреблений, десемантизация отдельных компонентов, контаминация и включение новых компонентов, которые освежают привычную форму, конкретизируют смысл словосочетания/.

В связи с тем, что проводилось сопоставление авторских УСК с четырьмя вариантами соответствий в русском языке, подобранными разными переводчиками, то можно надеяться, что удалось избежать в какой-то степени неточностей фразеологического сопоставительного анализа, проистекающих от стиля переводчика и некоторых других причин субъективного характера, которые значительно снижают ценность межъязыкового исследования.

Выбор соматических УСК для сопоставления не случаен: именно они, по верному замечанию В.Г.Гака⁶ и А.Д. Райхштейна,⁷ во всех языках обладают большим семантическим, фразеологическим и словообразовательным потенциалом. Человек эгоцентричен, он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию. Поэтому, как отмечает В. Н. Телия, "только эталонное и стереотипное в историческом и духовном опыте народа, а тем самым-общепонятное для носителей языка могло лечь в основу языкового знака: язык хранит и передает из поколения в поколение только те фразеологизмы, которые прямо или опосредованно соотносятся с эталонами, стереотипами и мифологемами национальной культуры как материальной, так и духовной",⁸ чем и обусловлено культурно-национальное своеобразие идиом. В связи с этим, вполне естественно, что говоря о устойчивых словесных комплексах поэмы "Горный венец", которую называют энциклопедией черногорской жизни, "где можно найти все: историю, и быт, веру и суеверие, православие и остатки язычества, трагедию и юмор, взгляд черногорцев на самих себя и на окружающий мир, глубочайший пессимизм и героический оптимизм",⁹ можно отметить их особую культурологическую значимость и экспрессивнообразное воплощение "духовной энергии народа" /В. фон Гумбольд/. Фразеологические обороты /по образному выражению Н. А. Алефиренко/, "как в капле утренней росы, отражают специфи-

⁶ В. Г. Гак. Понятие *рука* и его стражение в русском языке. Русский язык в СССР. 1991, № 6, с. 12.

⁷ А. Д. Райхштейн. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., Высшая школа, 1980, с. 94.

⁸ В. Н. Телия. Культурологический компонент фразеологии. Язык и Культура. Киев, 1993, с. 69.

⁹ Указ соч. 5. с. 224.

ческие для того или иного народа мироведение, его воззрение, эстетические чувства, этические представления и нравственные идеалы... Выражая отвлеченные понятия и представления через конкретное, осязаемое фразеологические обороты являются в семантическом отношении двуплановыми образованиями, поскольку соотносятся с объектами национальной культуры как первичными денотатами и производными от них предметами мысли¹⁰. Благодаря этой двуплановости в семантической структуре УСК изначально содержится, а затем развивается национально-культурный компонент.

Культурологические факторы формирования соматических УСК послужили основанием для классификации нашего корпуса, / более 300 единиц/, отражающих духовную культуру народа: это УСК, обозначающие нравственные ценности, религиозные представления, суеверия, обряды, описывающие физическое и психическое состояние человека, представляющие устно-поэтическую культуру, фольклорного характера, УСК, выражающие пожелания и выражения, ставшие афоризмами.

Из-за ограниченного регламента ограничусь анализом лишь нескольких перечисленных групп. Начну с анализа перевода фразеологизмов с компонентом - соматизмом, обозначающих нравственные ценности.

I. - Черногория - маленькая горная страна, "где жил храбрый и непокорный народ, страдавший от бедности, голода и внутренних неурядиц, представляющий собой островок в океане ислама и католичества" /так с любовью описывает А. Шумилов в своих комментариях к поэме Черногорию и ее народ/, с высокими нравственными устоями, сложившими в вековой борьбе за свободу. Написаны целые монографии, посвященные героизму, доблести, отваге этого народа, так называемому "чојству". Томович так определяет это понятие: "Чојство је назив за специфичне моралне услове и побуде према којима је вршена строга диференцијација појединаца на добре и рђаве. У црногорској традицији, назив "добар човјек" није зависио од друштвеног ранга или поријекла, него од личних моралних склоности и особина које је појединац у току живота, под утицајем позитивних примјера - узора непрекидно усавршавао. На моралном плану, црногорска традиционална заједница израђивана је у два правца: у вјековној борби за слободу, и, с друге стране, у сталној бризи на развијању индивидуалног става према конкретним ситуацијама. Оба двије сфере чврсто су повезане у међусобној дијалектичкој функцији и интеракцији. На основу њих је изграђен појам доброг, карактерног

¹⁰ Н.Ф. Алефиренко. Фразеология и культура. Киев 1993, с. 67-68.

човјека, као мјера врлине према начелу усаглашености индивидуалног чина с важећом нормом чојства".¹¹

Таким образом, честь, достоинство вызывает общее уважение, чувство гордости, высоко ценимое черногорцами, для которых очень важно *"не каљати образ"*, *"не обрљати образ"*, *"чувати образ"*, *"не газити образ"*, *"бранити образ"*, *"осветлати образ"* итд. Этот ряд ФЕ играет важную роль в создании поэтической картины мира, так как он связан с основными мотивами и героями поэмы "Горный венок". Значения этих ФЕ значительно шире словарных. Это становится возможным в результате развития одинаковых общих сем в минимальном контексте, перегруппировки сем или преращения смысла, взаимодействия с другими семантическими полями.

Их образность построена на переносе типа синекдохи, но переосмыслены соответствующие словесные комплексы, которые очевидно были разнонаправлены. В сербском языке слово *образ* имеет и значение "часть, поштење", которое отсутствует в семантическом диапазоне русского слова *лицо*. Реализация первичного значения слова *образ* /лицо/ нашла свое отражение в УСК: *немати капи крви у образу - ни кровинки в лице* со значением "быть очень бледным". Лицо, лишённое живых красок, ассоциируется с мыслью о его полном отсутствии, что свидетельствует о болезненном или угнетённом психическом состоянии человека: *лица нет на ком-то*. Вместе с тем лицо отражает и внутренний мир людей, их душевные и моральные этические качества. На основе синекдохи об отсутствии лица образно высказана мысль об отсутствии таких моральных качеств как совесть и стыд: *без образа*.

Интересно проследить перевод этой группы ФЕ с языка оригинала на русский язык различными переводчиками. Поскольку в русском языке нет ФЕ с компонентом *лицо* со значением "честь, достоинство", то переводчики давали, в основном, буквальный перевод: Негош: Ти издао пријед и послијед,

обрљао образ пред свијетом... / с. 98/ 1382/

В переводе Лукьяновского это звучит так: *Все, что святого только есть Все продал!... /с. 29/*

У Зенкевича:

- А ты ж предатель и теперь и прежде,
честь свою *чернилъ* ты перед миром,
веру прадедов своих поносишь... /с. 42/

У Кузнецова:

Ты сначала изменил и после
и покрыл себя позором черным! /с. 59/

¹¹ *Томовић*. Коментари лажног цара Шћепана Малог. Луче микрокосма, Горског вијенца Петра II Петровића Његоша. Београд, Цетиње, 1990, с. 449.

У Шумилова:

Ты же предал и тогда и после
ты лишился и стыда и чести... /с. 54/

Из приведенных примеров видно, что значение данного фразеологизма весьма приблизительно и достаточно далеко от текста передано в переводе Лукьяновского. Что касается переводов Зенкевича, Кузнецова и Шумилова, то они попытались с большим или меньшим успехом передать описательно значение ФЕ. Внося экспрессивность в тот же контекст, где был сербский фразеологизм, русские тексты хотя и косвенно, но пытаются передать стиль автора произведения.

Аналогичный случай с переводом фразеологизма *оцрнити образ*:

Ту смо грдно образ *оцрнили*
и од Бога дио изгубили /с.61/ /497/

У Лукьяновского: Вот грѣх какой!... вѣдь
стыдъ навѣкъ!... /с.34/

У Кузнецова: Тут мы осрамылись перед богом,
потеряли счастье на том свете! /с.63/

У Шумилова: Честь и образ мы там замарали
и у Бога долю потеряли /с.60/.

Легко заметить, что значение сербской ФЕ передается на русский язык описательно, с сохранением основного смысла, но с потерей образности и выразительности. Кроме того, например, в переводе Кузнецова дано только денотативное значение ФЕ: "осрамылись", Зенкевич переводит как *образ очернили*, а Шумилов - *честь и образ замарали*, где сочетание архаичного слова *образ* и просторечного *замарать* создает особое восприятие текста. По - видимому, Шумилов пытается сохранить свой "десетерац".

Совершенно неожиданно Кузнецов и Шумилов при переводе ФЕ *газити образ* на русский язык меняют компонент со значением "честь" на слово *имя*.

Када газе *образ* црногорски,
када јавно на крст частни плују! /с.95/ /309/

У Кузнецова: коли *топчут имя* черногорца
и на крст честной плюют открыто! /с.58/

У Шумилова: *Топчут имя* честных черногорцев
и открыто плюют на распяты /с.48/.

Зенкевич переводит буквально, а в переводе Лукьяновского не осталось ни намек на этот фразеологизм, ни на его значение:

У Зенкевича: Если топчут образ черногорский
и плюют на крест честной открыто? /с.39/

У Лукьяновского: Да!... правда!.. стыд нам и позор! /с.25/

Хотелось бы обратить внимание на перевод ФЕ *каљати образ*, контекст в котором он появился стал афоризмом для черногорцев; и его переводы:

Страх животу каља образ често; /с.112/ /769/

У Лукьяновского: Великий грѣх! мны правдѣ чести

Всему святому измѣнили! /с.46/

У Зенкевича: Часто страх за жизнь грязнит наш образ /с.57/

У Кузнецова: Очень часто страх нам честь марает. /с.76/

Во всех переводах - нефразеологическая передача этого выражения. То же самое с переводами ФЕ *чувати образ* и трансформированной Негошем ФЕ *образ грдити*.

и чувај му образ ка он теби! /с.126/ /1130/

У Лукьяновского:

И уж, как следуетъ, при этом

Въ писмѣ визирю удружи! /с.61/

У Зенкевича:

Напиши ему ответ, владыка,

тем же слогом, как тебе он пишет! /с.72/

У Кузнецова:

Как умеешь, отпиши, владыка,

честь его храни, как он твою же!

У Шумилова:

как умеешь, с таким же почтеньем.

Или:

Безобразне, обрљане курве,

повукуше те нам *образ грде!* /с.157/ /1896/

У Лукьяновского: нет

У Зенкевича:

Грязные и мерзостные курвы,

покрывают нас они позором!

Нету них совсем юонацкой чести... /с.104/

У Шумилова:

Бесстыдные и грязные суки!

Нас позорить, курвы потащились,

Если б каплю чести сохранили... /с.148/

Насколько важно чувство достоинства и чести для черногорцев, видно из такого УСК /проклятия/, как *црн му образ био*-крайнее и бесповоротное осуждение кого-либо. Переводы: ... проклятая собака эта... /Лук., с. 100/; ... черен его образ.../Зен., с.111/; стыд ему, позор навеки! /Куз., с. 118/; Что с безумцем станешь делать? /Шум., с. 156/.

Таким образом, переводы на русский язык этой группы ФЕ - нефразеологические из-за отсутствия ФЕ с подобной семантической и лексической структурой.

II. - Иногда невозможно передать коннотации ФЕ подлинника в языке перевода, так как чаще всего расхождение образности обусловлено национальными различиями, что часто ведет к разному эмоциональному восприятию ФЕ в сопоставляемых языках.

Племенной образ жизни, постоянная борьба черногорцев с завоевателями, естественно, отразилась на жизни этого народа, особенно - их отношении к мужчинам - как к главе племени, к главе семьи. О них говорят с уважением - "мушка глава" ит.д. Самое страшное проклятие для черногорцев - это "главе мушке не копа од пушке, жельела му кућа мушке главе!". /с.181/ /2419-2420/. В переводах: у Лукьяновского - нет, у Зенкевича: пусть ружья не будет в изголов пасть,

как воин будь он не достоин

пусть его дом будет без мужчины! /с.12/

У Кузнецова: Чтоб ружья не стало в его доме,

чтобы род его мужчин лишился,

чтобы дом его травой покрылся /с.115/

У Шумилова: Да не будет в его доме сына,

способного носить оружие! /с.186/

В русском языке таких ФЕ нет, поэтому во всех переводах дано:

"мужчина", "син", "мальчик", "герой", "воин", в зависимости от контекста:

Чудне пушке, ваља мушку главу. /с. 89/ /139/

У Зенкевича: Головы мужской ружье то стоит /с.32/

У Кузнецова: Славно ружье мужчины стоит! /с.49/

У Шумилова: Нету в мире лучше джефердаров.

Каждый стоит головы мужчины.../с.38/

Или:

... мртву главу не диже из гроба /с.197/ /2814/

У Зенкевича: Мертвеца нам не вернуть из гроба /с.146/

У Кузнецова: Мертвеца из праха не поднимает

даже перековка джефердара. /с.152/

У Шумилова: Не подынешь мертвеца из гроба... /с.212/

Следует отметить, что ФЕ *мушка глава* в тексте обрастает дополнительными семами: "воин", "борец", "воплощение мужества, отваги"

Итак, еще раз подтверждена "... связь образного основания идиом или фразеологических сочетаний с культурно-национальным миропониманием, то есть ценностно-ориентированным менталитетом народа-носителя языка" /Телия/.¹²

III. - Пожалуй, самая объемная группа УСК с компонентом-соматизмом-это группа, выражающая культуру поведения, отношения между людьми описывающая психическое и физическое состояние человека. Показатель фразеологической эквивалентности этой группы, рассматриваемых языков, в данных текстах достаточно велик.

¹² В.Н. Телия, Культурно-национальные коннотации фразеологизмов. 9. Международный съезд славистов. Славянскре языкознание. М., 1993, с. 305.

Среди подобранных эквивалентов имеются полные, одинаковия семантика которых вытекает из тождества их грамматических и лексических компонентов, частично эквивалентные ФЕ, совпадающие по грамматической структуре, но различающиеся по лексико-семантическим характеристикам или наоборот.

Однако у разных переводчиков ФЕ с компонентом - соматизмом переведены по-разному. Один переводчик находит полный эквивалент, другой - частичный, а третий - переводит с помощью нефразеологических средств.

Перевод Лукьяновского относится и трансмутационным, вольным переводам, поэтому часто не может быть и речи и сопоставлении, отдельных единиц. Исходя из этого, в дальнейшем будут приводиться примеры лишь из переводов Зенкевича, Кузнецова и Шумилова и Лукьяновского - если они есть.

Например, фразеологизму *показивати на кого прстом* соответствует полный эквивалент *показывать на кого-либо пальцем*. Однако в переводах Зенкевича и Кузнецова дан полный эквивалент, а у Шумилова при помощи нефразеологических средств:

... да их народ по *прсту кажује* /с.181/ /2415/
поражен весь род его проказой,
чтоб на них *указывали пальцем*! /с.1219/

...

пусть он производит прокаженных,
чтоб на них *показывали пальцем*! /с.135/

...

чтоб их люди вечно сторонились. /с.186/

Этот фразеологизм встречается в поэме еще раз, и опять у Шумилова при наличии полного эквивалента дано описательно:

...траг да му се по *прсту кажује* /с.123/ /1053/
Их не будут попрекать изменой. /с.93/

У Зенкевича и Кузнецова - полный эквивалент:

чтобы не покрыть себя позором,
чтобы не показывали пальцем /с.68/

...

Не оставит никогда серя серба,
чтоб потом его не попрекали,
указывая пальцем на потомков /с.82/

Есть и такие случаи, когда, например, Шумилов и Зенкевич использовали в своих переводах полные соответствия, а Кузнецов - частичный эквивалент: трансформированный фразеологизм с заменой именного компонента:

... да што *остре зубе* за суседе /с.127/ /1161/
...точат зубы на злого соседа, /с.100-Шум./
...зубы на соседей остро *точат* /с.73/ - Зен./

Мысли нет иной у нас сегодня,
 кроме как *ударить на соседей* /с.86/

ФЕ *ударить на врага* видоизменен в *ударить на соседей*.

Одинаковые ФЕ - полные эквиваленты у всех на переводчиков - явление очень редкое. Это такие фразеологизмы; как например, *на ноге устати - подняться на ноги, зубе поломити - поломать зубы и гулити кожу некое - драть шкуру:*

... и сав народ *на-ноги устаде* /с.135/ /1328/

У Зенкевича; и народ *на ноги поднялся* /с.81/

У Кузнецова: и народ весь на ноги поднялся /с.93/

У Шумилова: Тут *на ноги* весь народ *поднялся* /с.112/

...

Тврд је орах воћка чудновата,
 Не сломи га, ал' *зубе поломи!* /с.126/ /1133-1134/

В данном случае имеет место так называемая фразеологическая совмещенная омонимия - совмещение прямого и переносного значения:

"тај несаломљиво тврд орах - Црногорци" /М. Стевановић, с.88/

У Лукьяновского: *Кусай орѣхъ, да не сломай,*

А береги получше зубы! /61-62/

У Зенкевича: Тврд орех, и плод он необычный,
 не грызи его, *сломаешь зубы!* /с.72/

У Кузнецова: Твердые орехи - не простые,
 станешь грызть - *и зубы ломаешь!* /с.85/

У Шумилова: Тверд орешек - *ломаешь зубы* /с.98/
 или:

...

...па харајте и *коже гулите* /с.127/ /1166/

У Зенкевича:

Их и грабьте, с них *сдирайте шкуры* /с.73/

У Кузнецова: ну так грабьте и *дерите шкуры* /с.86/

У Шумилова: грабьте вволю и *дерите шкуры!* /с.100/

2. Встречаются фразеологизмы, которые не имеют полного соответствия оригиналу, отличающиеся от соответствующих сербских номинативным или глагольным компонентом;

јер ми није лакше што ћу крити,
 него *да ми наврх главе стоји!* /с.119/ /948-949/

В переводах Шумилова и Кузнецова - другой глагольный компонент:

...не *голову сел и ноги свесил* /с.86/

...это то же, если бы *сидел он*

у меня *на голове* и гукал. /с.78/

- который соаздает им и другую образную "картинку". Здесь - семантическая оппозиция:

сел - стоји.

Кроме того, Шумилов добавил еще один фразеологизм *и ноги свесил*, что создает определенный комический эффект, усиливает экспрессивность текста. Зенкевич же меняет именной компонент:

словно *сел* он прямо мне на *темя* /с.64/

3. Труднее всего для перевода и очевидную приближительность при сопоставлении имеют пары ФЕ, различные по грамматическим конструкциям и далекие по лексической наполненности. В таких случаях удачным при переводе, является использование ФЕ, имеющих хотя бы одну общую сему с языка-источника:

...мучаху се, да им *очи прсну* /с. 139/ /1413/

У Шумилова: толпы нищих *лезут вон из кожи* /с.118/ Или:
свиѣт ми се *око главе врти*. /с.133/ /1280/

У Шумилова: мир кружится, свет *в глазах темнеет* /с. 108/

Думается что этот вариант лучше, чем буквальный перевод у других переводчика. Сравни, например, у Кузнецова: чуть у них *не лопаются очи* /с.96/, мир вокруг *головы моеѣ кружится* /с.97/

Например, ФЕ *обратити главу* у всех 4 переводчиков дан другой фразеологизм: да је бјеше Србин уграбио
ако хоѣах *главе обратити* /с.102/ /488-489/

У Лукьяновского: Лишь мы узнали про тихоню

Про нашу - *кинулись в погоню* /с.34/

У Зенкевича: я б не *повернулся им вдогонку* /с. 46/

У Кузнецова: если б я *повел хотя бы бровью* /с.63/

У Шумилова: Я бы *пальцем* не подумал *двинуть* /с. 60/

Именно такие ФЕ наиболее ярко отражают языковую специфику оригинала и переводов, показывая их лингвистическую неадекватность в отображении объективных явлений. Эти ФЕ не имеют соотносимых лексических компонентов и не обладают идентичной грамматической структурой.

Часть ФЕ этой группы все-таки можно сопоставить, так как несмотря на отличия, их лексические компоненты входят в состав одного лексико-семантического поля. Сопоставляемые ФЕ при этом имеют довольно общих сем. Например, Фатиму *ће Сульо држати како очи своје у глави* /с.156/ /11860/ - *как зеницу собственного ока* /Зенкевич, с. 103/ - охраняет ...*как зеницу ока* светлого / Кузнецов, с. 112/ - Будет Сульо любить и беречь как зеницу ока /Шумилов, с. 146/. - Или: *Трн у здраву ногу забадате!* /с.116/ /871/. *На голову с ног перевернули* /Шумилов, с. 82/. У Зенкевича и Кузнецова дан буквальный перевод этого фразеологизма, что в данном случае не допустимо, так как настолько меняется смысл сказанного, что звучит абсурдно:

"Что я слышу! да в своем уме вы,

занозить чтоб понапрасну ногу? /Кузнецов, с. 76. /

Шип вы нам в ступню вонзить хотите. / Зенкевич, с. 61/

Иногда даже при наличии в русском языке полного фразеологического эквивалента, лексическая замена звучит более подходяще в эмоциональном плане. Так, несмотря на возможность сопоставления ФЕ *на нос су се преда мном побили* с русскими ФЕ *стоять на коленях, упасть на колени перед кем-либо*, переводчики предпочли метафорический перевод:

на нос су се преда мном побили. /с.129//1195/

У Лукьяновского: И мой всегдашний правъ таковъ

Что я гайдукъ на гайдукова /с.64/

У Зенкевича: многие мучители со страхом

предо мной о землю носом бились /с.74/

У Кузнецова: *носом предо мною землю рыли... /с.87/*

У Шумилова: *носом в землю ткнулись предо мною /с. 102/*

Таким образом, явление обособленности языковых картин, представленных лексико-фразеологическими системами сербского и русского языков было прослежено на примере параллельных текстов /оригинала и 4 переводов/. И в философских и лингвистических трудах встречается утверждение, будто самые важные и привычные в повседневной жизни понятия и предметы приблизительно одинаково независимы от языка. Но, как показывает практика художественного перевода, даже обыденные понятия и обозначающие их слова, /а тем более ФЕ / не всегда тождественны "¹⁴.

Из проведенного выше анализа видно, что особую трудность для перевода представляют те ФЕ, культурно-историческая ценность которых не столько сами предметы и явления, зафиксированная в их свободно-синтаксических прототипах, сколько их интеллектуально-эмоциональная интерпретация. Как показало настоящее исследование, часть, употребленных ФЕ П. Негошем трансформирована, обработана мастером слова. Может быть и поэтому даже тогда, когда есть эквивалент адекватный в русском языке переводчики / даже Шумилов, прекрасно знающий сербский язык / предпочитают буквальный перевод. Вряд ли можно дать этому однозначную оценку. С одной стороны, переводчики пытались сохранить образную "картинку", положенную в основу устойчивого словосочетания, сохранить дух языка, "дух народа", с другой - это не воспринимается русским читателем, а иногда доводит и до нелепых толкований.

В процессе анализа оригинала и текстов перевода бросается в глаза несимметричность распределения ФЕ подлинника и переводов: меньше всего полных эквивалентов, достаточно часто встречаются частичные,

¹³ М. Стевановић. Језичка тумачења у коментарима Његошевог Горског вијенца. Београд, 976, с. 88.

¹⁴ И.М. Гетман. Язык и картины мира. Язык и культура. Киев, 1993, с. 3.

и буквальный перевод. Имеются случаи, когда в оригинале свободное словосочетание, а в переводах УСК.

Не умоляя достоинства переводов и переводчиков, невольно напрашивается вывод (анализируя некоторые детали, что даже лучший из них - шумиловский - это "вариации на тему..." Возникает вопрос не только о стиле автора, но и о стиле переводчика.

А хочу закончить свое сообщение парафразируя Маяковского: И перевод хорош, и переводники хороши, на оригинал - лучше. А сербский язык бы выучила только за то, что им разговаривал и писал Негош.

Л.И. Раздобудько-Човић

ПРИЛОГ ПРОУЧАВАЊУ ПРЕВОДА УСТАЉЕНИХ ФРАЗА СА СОМАТСКОМ КОМПОНЕНТОМ НА ГЕНЕТСКИ СРОДАН ЈЕЗИК

(на материјалу превода Његошева "Горског вијенца" на руски језик)

Резиме

Ауторка је у овом раду извршила упоредну анализу устаљених фраза са соматском компонентом, ексцерпираних из поеме Петра II Петровића Његоша "Горски вијенац", с једне стране, и њихових еквивалената из превода исте поеме на руски језик које су реализовали Лукјановски, Зенкевич, Кузњецов, Шумилов, са друге. Осим тога у раду се демонстрира како се сличности и разлике ова два генетски сродна језика манифестују у основним аспектима фразеолошког фонда, као и који их унутарјезички и екстрајезички фактори условљавају.

Предмет истраживања је однос културне, конотативне и денотативне компоненте устаљених фраза Његошева језика са истим тим компонентама у језику неколико руских превода реализованих током једног столећа. Посебна пажња је усредсређена на културну компоненту која је чест узрок постојања разлика међу устаљеним фразама разних језика (чак и у случају потпуне подударности међу њима на лексичком и граматичком нивоу).

С обзиром да је ауторка извршила поређење ауторових (Његошевих) устаљених фраза са четирма постојећим варијантама у руским преводима, које су разни преводиоци изабрали у дијахронијској перспективи током једног столећа (од првог превода Лукјановског до Шумиловљевог), постоји оправдана нада да је тиме успела да избегне донекле непрецизности што прате овакву упоредну анализу фразеологизама, а које би биле последица стилских особености језика превода сваког од преводаца понаособ, као и других омашки субјективног карактера, што знатно умањују вредност оваквих међујезичких истраживања.

После оваквих различитих аналитичких поступака ауторка је дошла до закључка да посебну тешкоћу за преводиоца представљају оне фразеолошке јединице чија се културно-историјска вредност не састоји у толикој мери у самим референтима (тј. предметима и појавама који су њима означени), колико у њиховој интелектуално-емоционалној интерпретацији. Како су на убедљив начин показали резултати овога истраживања део употребљених опште-језичких фразеологизама Његош је стваралачки трансформисао. Можда због тога чак и у оним случајевима када је постојао руски природни функционално - смисаони еквивалент преводиоци су се определили за буквални превод (а тако је чинио и А. Шумилов који иначе изванредно влада српским језиком) са намером да сачувају дух језика оригинала - "дух народа" (како би рекао Хумболт). А то руски читалац није кадар увек да рецептира, а понекад то може да резултира апсурдним тумачењем текста превода.

У току анализе текста оригинала и неколиких превода да се уочити асиметрија у односу инвентара фразеологизама у оригиналу и у руским преводима: наиме, најмањи је број природних функционално-смисаоних еквивалената, а прилично чести су случајеви делимичних и буквалних превода фразеологизама. Нису такође ретки ни случајеви када је у оригиналу слободна синтагма, а у преводу устаљена фраза.

